

ЮС-КЮЕЛЬ

Пожалуй, самое тупое животное из всех самых-самых тупых — это домашний северный олень. Если олени идут в одной связке и начинают огибать одно дерево с разных сторон, то будут душить друг друга до тех пор, пока разгневанный каюр не направит провинившегося по нужному следу. Степан с тоской и досадой наблюдал, как каюр «вышибал» проштрафившегося оленя из-за дерева и направлял вслед связке.

С оленями работать еще не приходилось ни разу, но оказалось, что это очень здорово! Две связки оленей, по двенадцать голов в каждой, несли на себе все необходимое: палатку, печку, спальные мешки, продукты и еще кучу всяких нужных вещей. Каюры — молодые эвенки Санька и Венька — в тайге чувствовали себя, как дома. Собственно говоря, это их дом и был. С оленями не просто обращаться умели: они с ними выросли. У каждого был, кроме связки, свой собственный учаж (верховой олень); с них они днем почти и не слезали. Поражала их чистоплотность, аккуратность и бережливость во всем, кроме еды. Покушать они любили...

Заканчивался четвертый день многодневного маршрута. Однако привычной усталости при такой работе не чувствовалось. Каюры уходили вперед, в обусловленном месте устраивали лагерь. Степан с маршрутным рабочим Лешей уходил одним маршрутом, начальник отряда Антон со своим рабочим Женей — другим, а вечером встречались, ужинали тем, что приготовили каюры. На лагере всегда была чистота, палатка с печкой поставлены, спальные постелены, олени отдыхали под дымокурами... Короче, таежная идиллия... По пути эвенки подстрелили мимоходом дикого оленя (сожжоя): с мясом как-то веселее жить. Не маршрут, а прогулка. Пикник. А общим любимцем был молодой совсем песик Чорик. Серой масти («чорик», с эвенкийского — «серый»), с необычно умными глазами. Подсмеивались над ним, когда он на каждой стоянке закапывал про запас кости: «Ну и дурак же ты, Чорик! Мы ведь по кругу пойдем, сюда уже не вернемся!» Забегая вперед, следует сказать, что Чорик оказался в этом отношении самым умным и прозорливым.

Одна проблема только с оленями была: при очень сложном рельефе связки пройти не могли. Ну и по густому лесу с выюками...

Вот и спускали в долину Юс-Кюели оленей по одному, и почти на руках. Степану повезло: когда он вышел, ориентируясь на крики, спуск связок почти закончился. Постояли с рабочим, посмотрели на этот «цирк». Антон махнул рукой: «Идите, разводите костер, сейчас все подойдем!»

Через полчаса все были на берегу чистой речки. Каждый занялся своим делом. Оленей развьючили, костер уже горел, в ведре варилось мясо.

Каюры Венька с Санькой ставили на косе палатку. У них всегда это получалось лучше всех, и довольно быстро. Ставили ее особым, непривычным для геологов способом. Но Степан убедился, что так намного быстрее и лучше, и потом много лет всегда ставил палатки только так.

Притащили каюры кучу жердей, начали их ошкуривать. Антон вспылил:

— На кой черт вы их ошкуриваете? Все вымотались «в доску»! Мясо уже почти готово! Ставьте палатку, всем есть и спать! Какая разница: ошкуренные жерди или нет? Все равно завтра пойдем дальше!

Эвенки посмотрели на него недоуменно:

— Начальник, это тебе без разницы, а нам разница большая!

— Какая, к черту, разница?

Венька бросил топор, подошел.

— А такая разница! Наши будут кочевать, увидят каркас из неошкуренных жердей: «Кто тут кочевал? Венька с Санькой! Ох, и ленивые же!» Позору будет на всю тайгу!

Антон похлопал глазами, ничего не сказал, только рукой махнул:

— Делайте как хотите, только быстрее!

Степан со своим рабочим наломали огромный ворох тонких листовенничных веточек. Тоже у эвенков научились. Мягкая, пушистая подстилка под спальные мешки, и смолы нет: спальные мешки утром чистые...

Пужинали вареной олениной, не до «разносолов» уже. Покурили, обсудили дальнейший маршрут. Каюры клятвенно заверили, что в Юс-Кюели есть и хариус. Не дотянулись сюда строители БАМа, не «выдавили», не вытравили «комсомольцы» речку, как Саку и Хани...

Наутро все пошло по отработанной уже схеме: аргиш (караван оленей) потянулся вверх по реке, маршрутные пары разошлись по сторонам.

Степан с Лешей поднялись на левый борт долины, исходили намеченный участок. Скудный маршрут, ничего интересного. Все та же «древнятина»: набившие оскомину граниты, гнейсы, кристаллические сланцы... Поднялись на ближайшую вершину, осмотрелись. Далеко впереди — гольцы, под сопкой — сплошной зеленый ковер. Предстояло в ближайшие дни подняться к гольцам, перевалить небольшой водораздел и выйти в долину Саку. Но это все в будущем. Сейчас нужно найти исток ручья (притока Юс-Кюели) и по нему спуститься в долину.

Ручей нашелся без проблем, по нему немного спустились, пообедали.

Костер уже давно погас, просто отдыхали в тени крутого обрыва, как вдруг из-за утеса выскочил олень, перепрыгнул ручей и остановился на крутом взлобке. Степан замер: это ж надо, какая красота! Никогда раньше не видел сокжоя, но это был несомненно он! Небрежный полуповорот гордо посаженной головы, соразмерность всего тела, какая-то особенная дикая стать. Одно слово: сокжой!

Леша, не отрывая от оленя очумелых глаз, потянулся к мелкокалиберной винтовке. Степан с досадой шлепнул его по руке. Олень шарахнулся в сторону, одним прыжком вломился в чащу... Исчез!

— Степан, и какого хрена! Ни сам, ни мне не дал!

— Леша, он тебе очень был нужен?

— Ну ведь олень! Мясо!

— Леша, мяса у нас достаточно. И ты подумал, сколько нам еще до лагеря шлепать? Километров семь! И сколько на себе унесешь? И времени на разделку туши нет, нам еще работать надо! А если тебе скучно полупустым идти, я тебя камнями нагружу, вон их сколько валяется!

— Успели бы! А за мясом эвенков бы прислали!

— Забудь! И к «мелкашке» без моего ведома не прикасаться! Понял?

— Понял! Все вы, ИТээРЫ такие! Жизни рабочим не даете!

— Хватит, слышали уже! Сначала делаете, а потом думаете. Пошли!

Остаток дня прошел без приключений. Спускались постепенно по ручью, Степан описывал породы, взяли пару проб. Все как обычно, только молчали больше, чем говорили.

Степан описал последнюю точку, попили чайку. Пора было выходить на лагерь. Отход был небольшой, вовремя закончили маршрут, можно не торопиться.

Долина ручья сузилась: правый борт — сплошная стена, левый — пологий. Ближе к устью ручья воды становилось больше, но по косам хорошо можно было пройти. Прижимаясь к руслу, не торопясь спускались к реке.

Степан заметил впереди что-то в ручье. Подошли поближе... Растерзанный сохатый! Причем недавно растерзанный: еще кровь толком не сошла, вода в ручье чуть ниже по течению была красноватой. Степан сорвал с плеча «мелкашку», с тоской подумал: «Ну почему не взял ружье?» Пока предавался грустным размышлениям и оглядывался, не заметил, что Леша был уже на полпути к туше сохатого. Степан похолодел. Молча догнал его, схватил за шиворот и, поминутно озираясь сразу во все стороны, потащил Лешу за собой. Тот ничего не понял, но подчинился. Метров через пятьсот Степан скомандовал привал. Сдерживая злость, спросил:

— Какого черта, Леша, ты поперся к туше?

— Хотел посмотреть.

— Что посмотреть? Тебе жить надоело?

— А что? Ну, посмотрел бы, и что? Что ты ко мне вечно цепляешься, один ты такой умный, да? Ну что, что бы произошло?

— Леша, мы хорошо отделались! Если есть туша — значит, у нее есть и хозяин! Ты понял: хозяин! Возможно, он за нами даже следил, почти наверняка следил! Медведь! Как ты не понимаешь!

— Ну я же хотел только посмотреть!

— А ты что, медведя предупредил, что только смотреть будешь, а брат не будешь? Да он бы нас обоих разделал, как этого сохатого!

— Ну «мелкашка» же у нас есть!

Степан еще раз подивился глупости и самонадеянности городских «подлетухов». Ну что ему еще можно втолковать? Нет... придется маршрутного рабочего все-таки менять. Влипнешь куда-нибудь с таким наивным...

— В общем, так. Без моего ведома не соваться никуда! Понял? Никуда!

Вскоре показалась и палатка. Как всегда, все «шик-блеск». Два дымокура для оленей, все аккуратно разложено. А в ведре — уха из хариуса! А на сковороде — жареный хариус! Венька с Санькой постарались!

Как всегда, каюры стали расспрашивать, кто и что видел на маршруте. Степан рассказал и про сокжоя, и про тушу сохатого. Эвенки оживились, переговорили между собой на своем языке, схватили карабины, прыгнули на учагов, крикнули: «Мы быстро!» и исчезли.

Вернулись через час. Нету! Ни туши, ни медведя! Успел: уволок и спрятал. И сам ушел! Следов много, но преследовать его не стали: темнеет, опасно.

Подтянулся Антон с рабочим. Коротко обсудили со Степаном итоги дня, наметили маршруты на завтра. Степан поднял вопрос о маршрутном рабочем. Решили отложить этот вопрос до возвращения на Саку.

Утром эвенки собрали оленей, навьючили на них весь отрядный скарб, уточнили место встречи и ушли. Антон и Степан определили маршруты, вышли вскоре за оленями. Решено было внимательно обследовать борта долины, где достаточно часто встречались обнажения коренных пород. В самой долине, в принципе, искать было нечего, а вот борта следовало хорошенько обшарить.

Степан не торопясь переходил от одного обнажения к другому, описывал породы, брал замеры, а рабочий скучал. Так и двигались вверх по течению реки.

Как-то долина резко сузилась, в конце концов борта прижались к руслу. С противоположного берега Антон что-то крикнул, махнул рукой и полез с рабочим вверх по склону. Степан понял, что ему он велел идти вдоль русла. Так и сделал.

Дальше по ходу, выше по течению, река прорезала в гнейсах узкий желоб, впереди виден был довольно высокий уступ и мощный слив. Не водопад, конечно, но поток падал довольно круто с полки на полку, вода внизу пенилась и бурлила. По всей длине скалы по левому борту, почти до вершины уступа, тянулась полка шириной в полметра. Вполне можно пройти. Степан по ней и пошел. Все внимание, конечно, на стенку, но взгляд случайно упал вниз. Степан обмер.

Мощное течение за много-много лет в коренных породах прорезало огромную яму. Метров пятьдесят в длину, метров двадцать в ширину. А в глубину... кто его знает. И в этой яме стояла толпа хариусов. Не просто толпа, а огромная толпа! Яма была забита рыбой.

Степан показал пальцем Леше вниз, у того и челюсть отвисла. Погрозил: «Не шуми!», прошел вперед, к «горлу» слива. Полка, по которой он шел, потянулась поперек уступа. То, что надо: справа — мощный поток воды, ниже, метрах в пяти, яма с ее обитателями. Махнул рабочему, чтобы подходил, сбросил рюкзак, достал катушку с леской и коробочку с мушками. Привязал первую попавшуюся мушку, бросил ее в поток воды, стал отматывать леску. Отмотал метров двадцать, затормозил, слегка потянул на себя... Удар, рывок... через полминуты Степан держал в руках хариуса среднего размера и необычайной красоты. Пестрые граниты и гнейсы — пестрый и хариус. Хорошо он мимикрирует, хариус. Ну, очень уж красивая тут рыбка!

— Леша, бегом найди Антона, пусть идут сюда. Не говори только зачем.

— Где я их тебе искать буду?

— Не мне, а нам. Они не могли далеко уйти. Поднимись на склон и покричи, найдутся.

Степан еле сдерживал злость еще за вчерашнее. Дал бог напарничка!

Пока Леша ходил, а ходил он недолго, Степан отловил уже штук тридцать хариусов. И все одного размера, и все красавцы. Увидел внизу Антона, показал ему на полку, а когда тот был уже над ямой, показал пальцем вниз. Антон замер, вытаращил глаза, чуть с полки не упал от удивления. Подошел быстро к Степану, осмотрел улов.

— Берет? Ловим?

— Брезентовые пробные мешки, Антон, у тебя есть? А то у меня только матерчатые.

— Есть! Ловим!

Встали рядом на полке всей четверкой, и пошла потеха. Радужно-серебристая горка росла на глазах. Степан заметил, что метрах в тридцати главная струя воды уходит под скалу. Попробовал отпустить леску побольше. Мушка покувыркалась в струях и ушла под скалу. Придержал леску, слегка потянул... Сильный удар, рывок... очень крупный хариус, темный, с фиолетовым отливом просто радовал глаз. Вот вы где, голубчики, «бригадиры»! Одного за другим Степан вытаскивал десятка два подобных хариусов. Потом пошли опять средние.

Оставил пока рыбалку, присел, закурил, посмотрел на кучу рыбы, на сам процесс со стороны. Хариусы «вылетали» из ямы один за другим и шлепались в кучу. Антон тоже закурил, а у рабочих в глазах сплошное сумасшествие. Это Степану уже не понравилось.

— Ребята, хватит, заканчиваем!

— Ты что, Антон, ошалел? Ловим, пока ловится!

— Хватит, мужики! Довольно!

— Да пошел ты... ловим!

Степан переглянулся с Антоном, тот кивнул головой: «Пора закругляться».

— Ребята, давайте сделаем так: почистим ту, которую поймали. Потом посмотрим: если будет мало, тогда половим еще. Куда они убегут? Тут и будут стоять, ждать чего-то.

— На лагере почистим! Эвенки почистят!

Тут уже вмешался Антон:

— Нет! И никаких эвенков! Чистим здесь и сейчас!

Нехотя, ох как нехотя, ребята взялись за ножи! Начали потрошить рыбу, не снимая чешуи. Степан возмутился:

— Чешую снимать! Рыба должна быть почищена как положено! И просолится быстрее, и нести меньше, и чешуя в рот лезть не будет!

Ох, какая же это нудная работа — чистить хариуса, когда его много! Куча уменьшалась медленно, гораздо медленнее, чем росла, когда ловили. Да и азарт в глазах ребят что-то быстро угас. Но Степан хорошо знал, что, если это не сделать сейчас, потом можно уже не делать совсем. Выбросить улов и идти налегке. Лето! Да и хариус очень уж нежная рыбка. Пара часов пройдет, и все! Можно выбрасывать!

Через час устали у кого руки, у кого спина.

— Степан, давай отдохнем и половим еще!

— Я тебе половлю! Закончим чистить, тогда посмотрим.

Еще через час работу закончили. Получилось два рудных мешка по два ведра каждый. Присели на теплые камни покурить. Степан участливо поинтересовался самочувствием ребят и предложил:

— Ну что, мужики, половим еще?

— Ты, Степан, ошалел! Тебе бы только хапать!

— Ну его к черту! И так спина болит!

Степан довольно улыбнулся: своего он добился, и без скандала.

Антон со Степаном нагрузили рабочих рыбой и отправили ходом на будущий лагерь (не промахнутся!), а сами «нажали» на работу. Маршрутные задания никто не отменял. Ничего, справились. На лагерь пришли только в полной темноте уже, но это не так важно. Тем более на лагере полный порядок, все приготовлено для отдыха, ужин тоже готов.

Венька с Санькой, оказывается, тоже пытались порыбачить, только толку-то... Видимо, вся рыба Юс-Кюели собралась в той яме.

Следующие два дня прошли без происшествий. Продвигались потихоньку вверх по речке. Погода позволяла работать от души, от души и работали. Долина реки то расширялась, то сужалась, воды в речке становилось все меньше и меньше, чаще в русле стали встречаться валуны.

На девятый день маршрута долина резко сузилась, стланик заполонил все, что можно было заполнить. Торчали кое-где отдельные листовенницы, но какие-то низкорослые и «ущербные». Каюрам приходилось уже сложно вести аргиш* по таким зарослям, все чаще приходилось браться за топоры.

Вскоре уперлись и в «глухие» стланики вперемешку с березкой Миддендорфа. Антон на рубку тропы «бросил» весь отряд. Стланик рубить — еще туда-сюда. Но рубить березку Миддендорфа!! Ты по ней топором, а она тебя по морде! Ты ее хочешь срубить пониже, а топор скользит по стволу и «рубит» камень. Досталось проклятий и березке, и Миддендорфу. На кой черт он ее описал! Измучились вконец! Да еще и эти тупые олени... Обязательно нужно запутаться в кустах или

---

* *Аргиш* — олений обоз.

двоем «обнять» дерево. За день прошли километров пять, но из стлаников так и не выбрались. Кто ее выдумал, эту «высотную зональность»? Убил бы!

Из стланика вышли на следующий день к обеду. И остановились. Уже намертво. Слева сплошная стена, а справа в долину врезается каньон притока Юс-Кюели, который не обойти никак! В самом русле реки глыба на глыбе лежит. Оленям не пройти никак!

Антон взял бинокль, пополз вверх по склону. Вернулся быстро и удрученный, собрал совет. Что будем делать? К долине Саку осталось два перехода, а по-хорошему, полтора. Но аргишу не пройти никак! Впереди, слева и справа — одни каньоны. Русло реки также непроходимо.

Выход был один: разделиться. Олени разворачиваются и уходят своим следом в обход. В помощь каюрам Антон отдавал рабочих. Особенно он беспокоился о том, как аргиш будет выбираться из долины реки. Спускались тяжело, а подниматься... Каюры обещали, что с помощью рабочих особых проблем у них не будет. Спускаться вниз хуже.

Ну а Антон со Степаном поднимаются по реке еще на пару километров, там и расстаются. У каждого свой маршрут. Антон уйдет по долине к гольцам, где стоит горный отряд. До темноты должен добраться. Если нет, то переночует где-нибудь, а завтра утром будет там. День-два документирует канавы, готовит к отправке сырье и уходит на базовый лагерь (Саку). Когда придут олени, то другим путем поднимется к гольцам, снимет отряд, заберет сырье.

Степан по левому притоку Юс-Кюели поднимается на водораздел, «сваливается» в бассейн Саку, где-нибудь ночует у костра. Завтра выйдет к реке, а там и на лагерь.

На том и порешили. Провели ревизию оставшихся продуктов. Относительно много еще было только соленого хариуса. Остального или мало, или совсем мало. Рассчитывали-то, что завтра будут уже на Саку! А сигарет осталось всего шесть пачек. Одну пачку Антон сунул себе в карман (со Степаном разделим), остальное отдал каюрам. Так же поступили и с продуктами: почти все отдали каюрам.

Уточнили еще раз: кто, куда и когда выходит, покурили и тронулись. Антон со Степаном вверх по речке, все остальные вниз.

Через пару километров пора было расставаться и геологам. Присели на валун. Антон выгасил смятую пачку:

— Извини, Степан, но мы остались без сигарет!

— Как? Ты ведь пачку взял!

— Взял. Потом отдал. Им же дольше идти. Да и четверо их. Есть вот у меня пара штук, возьми. Я уж как-нибудь перебежусь.

Что ответить Степану? Прав, конечно, Антон. Да, собственно, другого от него и ожидать трудно было. Брать сигареты отказался, предложил покурить. Закурили, посетовали, что так получилось с оленями, но что сделаешь?..

Антон поднялся первый: «Пора двигать!»

Степан вскарабкался на борт узкой долины. Уже вдалеке между глыб мелькала невысокая фигура Антона. И откуда в таком маленьком человеке столько энергии и самоотверженности?! Сколько раз с ним Степан спорил, когда тот «выкраивал» себе самые трудные маршруты... И какое-то непреодолимое стремление к справедливости. И геолог — просто класс!..

Переход, отмеренный Степану, не был бы долгим, если бы не описывать маршрут. А надо, работа есть работа. Правда, рельеф сложным не был, разрез довольно монотонный, обнажения коренных пород много времени не отнимали. Все как обычно, и выше, выше, выше... Ага, вот и водораздел! Присел, описал ход и точку, посмотрел на солнце, на часы... Курить хотелось неимоверно. Сделал самокрутку из чая (говорят, что курят!), закурил, сделал одну затяжку и с досадой

выбросил: ну и гадость! А курить все равно хотелось. Мысли вертелись только вокруг сигарет, которых на лагере полным-полно.

Так... Совсем темно будет в двенадцать часов, сейчас только восемь. В принципе, для ночевки у костра все есть: спички, топорик, нож, чай, банка консервов, телогрейка. Нет сигарет, а это очень плохо. Короче, если разрез такой и будет монотонный, то до темноты можно успеть выскочить на дорогу. А там остается всего три километра до лагеря. Их можно и в темноте пройти. Отсутствие оружия не смущало: кого в долине Саку бояться? Бамовцы о безопасности геологов хорошо позаботились. Говорят, правда, что какой-то уж больно хитромудрый сохатый тут живет, ну и пусть себе живет. Всем поселком на него, и не один раз, охотились, а он все равно уходил. Степану он совсем нестрашен.

С водораздела Степан просто ринулся вниз. На ходу делал записи, иногда брал замеры, двигался быстро. Тем более курить хотелось все сильнее и сильнее.

Солнце неумолимо валилось за хребет, но и путь сокращался! Полосу стланника проскочил на одном дыхании. Лес! Быстрее, быстрее... Наконец-то внизу засинела речка!

Степан рассчитал все точно. Выскочил на дорогу, и тут же наступила полная темнота. Да такая, что на расстоянии вытянутой руки ничего уже не было видно. Но дорога есть дорога! Идти можно.

Вот и протока! За нею, метрах в пятистах, лагерь! Ага! Вон и палатка светится — значит, кто-то не спит. В палатке был один водитель. Все в «разбеге»: Наташа с рабочим тоже ушла в двухдневный маршрут, сегодня должна выйти на участок горных работ. Все новости — завтра, а сейчас — сигареты, чай... спать.

Утром Степан вышел на связь. Все нормально: Наташа с рабочим вышла на лагерь проходчиков канав вчера, а Антон пришел сегодня, измотанный, уже спит.

После таких маршрутов всегда много бумажной (камеральной) работы, чем Степан и занялся. Вынести на карту литологию, разобрать образцы, заполнить журналы, привести в порядок полевые книжки. Два дня сидел, не разгибаясь...

К следующему вечеру лагерь ожил: пришли Антон с Наташей, привели рабочих, принесли часть сырья... Наташа Степану высказала все, что она о нем думала (Антон уже свое получил). Машина с рабочим уходила на несколько дней, она оставалась одна. И какой-то дурной медведь жизни ей не давал. Боже, откуда такой отчаянный медведь взялся! Короче, все мужики — бездушные эгоисты! Сами ушли в свое удовольствие, а ее бросили!

Каюры пришли только на шестой день. Голодные, оборванные, давно без сигарет. В принципе, ничего особенного: сигареты и должны были кончиться. Но не получилось, как рассчитывали, пополнить запас продуктов. Из-за жары сокжой ушли в гольцы, а хариуса не удалось поймать ни единого! Даже в «той» яме не было ни одной рыбки! Исчезла, испарилась! На подъем оленей из долины Юс-Кюели потратили целый день, но особых проблем не было.

А самой умной оказалась собака. На каждой стоянке (а останавливались обычно там же, где и раньше стояла палатка) Чорик откапывал им же зарытые кости сокжой и на глазах у всех их грыз...

НА ЧУКОТКЕ

«На Чукотке жить можно! Хреново только».

Степан нестати вспомнил слова знакомого чукчи, выворачивая очередной камень. Вездеход висел на уступе, и как-то его оттуда надо было снимать. Вернее,

как снять, знали оба: и Степан, и вездеходчик Ильич. Нужно было из камня выложить эстакаду в полтора метра высотой. Вот и выкладывали...

Как всегда, все началось с ничего. Отряд стоял на берегу Ледовитого океана, работы шли весьма успешно. Уже несколько раз трактор утаскивал к дороге пену ярко-красной яшмы. После каждого поискового маршрута росла куча довольно хороших сердоликов и агатов. И быт был налажен весьма неплохо. Степан не пожалел, что напросился в отряд к Антону. Во-первых, они еще на Становом вместе «горюшка хлебнули», на Антона положиться можно было. Во-вторых, работа очень интересная и живая: разведать небольшую россыпь редкой по красоте яшмы, отобрать большую технологическую пробу, плюс поисковые маршруты: сердолик, яшма, агаты. Ну и экзотика, конечно: Ледовитый океан, полярный день, тундра, тучами дичь. Да и отработать хоть один сезон без летающих кровососов — разве не благо? Ну а когда из Анадыря вертолет Ми-6 приволок вездеход Газ-71, который Степан же с тремя рабочими всю весну восстанавливал из кучи металлолома, жизнь совсем стала прекрасной. До ближайшего поселка со столичным названием всего километров двадцать. По тундре, да на вездеходе — совсем ничего.

Недалеко от лагеря паслось стадо оленей, тысячи две голов. С оленеводами договорились в один момент: у них из продуктов, кроме мяса, считай, ничего и не было. Чукотский олень — мелкий олень. На него ничего не грузят, оленеводы верхом не ездят, только зимой и на нартах. Так что все необходимое переносят на себе: две двухместные палатки на восемь человек (спят по очереди), минимум посуды и продуктов. Вот и питаются вынужденно одним мясом. А у запасливого Антона было все, кроме свежего мяса. Товарообмен наладили быстро. Радовались все: геологи — свежей оленине, чукчи — сгущенке, борщам в банках и свежему хлебу...

Чукотское лето летело быстро, но в план «вписывались» нормально. Нерешенной оставалась пока одна задача: провести нужно было ревизионные работы на агаты в долине речки с труднопроизносимым названием, километрах в шестидесяти от моря, за Экиатапской грядой.

Такие работы Антон взваливал обычно на себя. Вызвал вертолет, взял двоих рабочих покрепче, проинструктировал Степана и улетел.

Связь работала исправно, погода баловала, быт разнообразили караваны судов, спешащие в Певек и обратно, огромные стаи уток и гусей, ну и меняющееся каждое мгновение море.

Через неделю Антон попросил помощи. Вернее, даже не помощи, а просто с вертолетом что-то не «складывалось», работу они закончили, нужно было «снять» их вездеходом.

Степан пригласил вездеходчика, достал карту. Ильич уже лет двадцать работал на Чукотке, исколесил ее вдоль и поперек, значит без его совета не обойтись.

Посмотрели. В долину Кайнеренета с побережья можно было выйти двумя путями. Первый: через поселки Ленинградский и Полярный подняться на перевал Сыпучий, спуститься в долину Кувета, ну а там уже недалеко. Смущал только крюк — километров восемьдесят в одну сторону. Вариант второй: подняться на Экиатапскую гряду по ручью Меловому и сразу спуститься к Кувету. Вроде бы кто-то когда-то по этому пути ходил на тракторе. Ну а далее, как и в первом варианте. Выбрали второй вариант.

Степан пригласил рабочих, объяснил ситуацию, назначил старшего, поставил задачу. Собрали продукты, спальники, закатали в кузов бочку с бензином, закрепили: «Кажется, все! Можно ехать». Запасной рации не было, решили, что таковая нужнее на участке, забирать последнюю не стали.

До подножья гряды добрались без приключений, переправа через Ревеем хлопот не доставила. На Меловом двое рабочих занимались сбором пейзажных агатов. Посмотрели, как идут дела, оценили сделанную работу, потолковали.

Да, действительно, пару лет назад местные охотники на тракторе отсюда прошли в долину Кувета. Степан успокоился: «Пройдем и время сэкономим!»

Сразу от лагеря дорога резко пошла вверх. Вообще-то, дороги не было. Был виден кое-где тракторный след на камнях. Иногда просматривался и второй след, но Степан значения этому не придал. Вперед, только вперед!

Чем выше поднимались, тем обломки камней становились крупнее, все чаще приходилось выискивать проход между глыб. Часов через шесть выползли на перевал и попали, как в молоко: туман. Выяснилось и происхождение второго следа: трактор тот развернулся и ушел назад на Меловой. На месте разворота валялась пара ржавых «башмаков», какие-то железяки, банки из-под консервов. Почему трактор ушел назад? Не прошли дальше или сломались?

Если бы Степан работал на Чукотке не первый год, если бы была хоть какая-то видимость, он, скорее всего, приказал бы вернуться и идти на Полярный. Ну а в этой ситуации доверился чутью опытного тундровика Ильича, который безапелляционно заявил: «Пройдем обязательно! И вездеход — это не трактор!»

Водораздел плоский, как стол, видимости — никакой. Где распадок, который, судя по карте, плавно спускается в долину Кувета? Времени на его поиски ушло порядком. Распадков много, но они вскоре заканчивались обрывами. С трудом, но нашли вроде бы нужный. Неглубокая лощина, пологий склон, уступов пока не видно. Еще раз сверились по компасу и карте. Он! Можно ехать.

Метров через триста лощина стала сужаться, еще через триста стала превращаться в каньон. Степан остановил вездеход, прошел вперед. Ничего радостного: склон резко пошел вниз, отвесные стены, щебень и крупные обломки сланцев. Вернулся к вездеходу с твердым намерением вернуться и спуститься в долину Ревеема. Увы, но «поезд ушел!» Пока ходил, Ильич подвинулся метров на сто вперед, и развернуться на мокром щебне да еще на таком склоне — самоубийство! Задним ходом выползти также невозможно! Ругайся — не ругайся, а что-то делать надо... Двинулись вперед.

Каньон сузился, крупных обломков попадалось все больше и больше, и по закону подлости лежали они не так, как надо. Вездеход стаскивало вбок, пару раз «разулись»: слетала гусеница. Но это было только начало всех бед.

Когда каньон сузился до предела, стали попадаться уступы. Сначала невысокие, сантиметров по двадцать. Такие Ильич преодолевал легко. Потом — повыше. Приходилось останавливаться, выкладывать из обломков съезд и по нему спускаться. По ходу выяснилось, что лом, кувалду и прочий подобный инструмент Ильич оставил на базе. Поругались еще раз, отвели душу, но двигаться-то надо!

Наступила уже ночь. Но какие на Чукотке летом ночи? Светло, работай — не хочу! Осторожно, с валуна на валун, двинулись дальше.

И вот тормознулись перед уступом метра полтора высотой (как выяснилось позже, первым из трех). Открыли стуженку, попили водички из ручья, принялись за работу. Тут и вспомнились слова знакомого чукчи: «На Чукотке жить можно. Хреново только!»

Работа пошла бы, конечно, быстрее, если бы в наличии были лом и кувалда, но ничего, справились. Критически осмотрели свое сооружение. Ильич пощупал руками каждый камень: «Здесь меня сбросит влево. Здесь — вправо, здесь ударит бортом о стену. И дай Бог, чтобы торсионы выдержали!» Запасные торсионы-то были, но менять их в таких условиях?!

Торсионы выдержали. Развалился подшипник на заднем катке. Тоже хорошего мало, но немного повезло: вездеход остановился в удобном месте на маленькой ровной площадке, так что справились с проблемой быстро.

С валуна на валун, с валуна на валун, вниз, вниз, вниз. Степан стал считать, сколько раз вездеход «разулся», досчитал до тридцати и бросил, было уже все равно. Утешался мыслью, что это — еще одна хорошая возможность изучить ходовую часть Газ-71. На одном из валунов вездеход резко наклонился. Торсион! Правый. Пока ремонтировались, Степан добрым словом вспомнил завбазой в Корфовском. При получении запчастей для восстановления этого «ящика с болтами и гайками» выяснилось, что торсионов на базе огромная куча, но ни одного правого! Все только левые! И завбазой, разбитной кореец, посоветовал: «Степан, а ты набирай побольше левых. На Чукотке вездеходов очень много, где-нибудь все равно поменяешь!» Радости не было предела, когда мерзлотчики в Анадыре пожаловались, что к ним пришла крупная партия торсионов, и все до единого — правые! Друг другу помереть не дали, конечно, разменялись.

Между тем так называемая ночь кончилась. Неразлучная тройца (Степан, Ильич и Газ-71) продолжала хотя и с остановками, с ремонтом, руганью двигаться вперед. По пути сменили еще пару подшипников, один торсион, пару «башмаков», срезали резину на задних катках (вернее, остатки резины). Уже и обозначился конец пути: видно стало саму реку, а долина — рукой подать. После полудня вышли на последнюю террасу перед долиной. И вдруг... Видимо, Ильич от усталости потерял бдительность. Вездеход налетел брюхом (лодкой) на валун с острой вершиной и повис. Ни взад, ни вперед! Капкан! Попробовали сбить гранитный гребень зубилом, да только посбивали руки: и под вездеходом лежать крайне неудобно, не размахнешься как следует, да и гранит долбить обыкновенным зубилом... Эх, был бы домкрат! Но он остался известно где и по чьей вине...

Степан присел на соседний валун. Что же делать? В тайге бы живо приподняли вагами одну сторону вездехода, потом вторую. Но здесь не тайга. Ильич полез в вездеход, завел двигатель. Что он делает! Машина рванулась вперед, потом назад. Вперед — назад, вперед — назад... До Степана дошло: делает продольную вмятину в днище, чтобы хоть какой-то ход был у машины, а там можно уже что-то придумать. Только бы «лодка» выдержала, не порвалась! Нужна вмятина, а не дыра, иначе можно повиснуть окончательно! Когда замысел понятен, руки начинают действовать автоматически: Степан стал собирать крупные плоские камни.

Удалось сделать вмятину, появился ход сантиметров на тридцать. Осадив машину назад до предела, Ильич заглушил мотор, стал помогать Степану. Ни слова не говоря (о чем говорить?), стали выкладывать под гусеницами впереди трамплин, чтобы вездеход пошел резко вверх, а потом так же резко вниз. Через час все было готово. Ильич полез в кабину, завел мотор, резко рванул вперед. Спрыгнул, все рассчитали правильно!

Через полчаса уже на косе у реки Степан достал карту, посчитали. Пять километров шли тридцать пять часов! Наскоро привели себя в порядок, перекусили и уснули мертвым сном.

Проснулись поздно, в приподнятом настроении, осмотрелись. Выше по Кувету просматривались какие-то строения. Поехали к ним. Чукотские яранги! Зимнее стойбище оленеводов. В ярангах только пожилая чукчанка да старый чукча Тын-гычайвын. С ним Степан уже встречался. Давно старик на пенсии, а вот не сидится в Рыркайпийи, на базе колхоза. Говорит, во время войны один(!) пас две тысячи оленей. И без тундры, без стада он — не человек. По-русски почти не говорил, но как-то понимали друг друга, и неплохо понимали. Во время первой встречи тогда он показал на ружье Степана и что-то сказал. Бригадир оленеводов перевел:

— Старик говорит, что, после того как мы уйдем, через две недели можете оленей стрелять. Они уже не наши, мы их потеряли.

Потом подумал и добавил:

— Но он их не потеряет!

...Конечно, опять чай и разговоры. Степан еще раз поразился, как бережно чукчи относятся к топливу. В костерке, по его понятиям, и гореть-то нечему было, а котелок закипел буквально через считанные минуты. Заодно определились на местности. Вышли правильно, до истомой точки не так далеко. Но через гряды никогда никто не ходил — нет нормального спуска в долину Кувета. Осмотрел Тынгычайвын побитый вездеход, покачал головой: поверил, что действительно прошли.

По притоку Кувета перевалили плоский водораздел. По чукотским понятиям — ночь, по хабаровским — слабые сумерки. Однако видимость скрадывали невысокие холмы. Где искать отряд? Палатке укрыться в небольшом распадке — плевое дело, а вот в каком? Поискали, поехали туда-сюда... нет никого! Вдруг на одном из склонов проявились какие-то фигуры. Не понять: то ли медведи, то ли люди. Подъехали ближе: все-таки люди, но не те. Группа юных натуралистов из Певека с двумя наставниками. Изучают природу, видели, куда неделю назад садился вертолет. Недалеко совсем...

Часа в три ночи Степан увидел палатку. Антон выскочил в одних трусах, поорал для порядка, потом пошли расспросы. Осмотрел вездеход, подивился: хорошо все-таки отремонтировали его в Анадыре! Не считая вмятин, царапин, кое-каких потерь, все в норме, можно ехать. Оказалось, он уже договорился о вертолете на утро, чтобы искать «потеряшек». А днем вдоль Кувета прошел вездеход на Певек с рацией. Сообщил, что в долине никакого вездехода нет. Естественно, Антон решил заказать вертолет для поисков на самой гряде. Но ни Степан, ни Ильич проходящего вездехода не слышали: так крепко, видимо, спали... Назад решили ехать через перевал Сыпучий, да и другого пути просто не было. И нечего искушать судьбу.

Вертолет все-таки пришел с самого утра. Антон решил, что раз такое дело, искать никого не нужно, а лучше воспользоваться случаем слетать в Певек, решить кое-какие организационные вопросы. Заодно забрали и натуралистов: увидели они вертолет и дружно захотели домой. Степан порадовался, что все переживания уже в прошлом, но оказалось — рановато.

Вертолет уже набрал высоту, как вдруг сорвался шквальный ветер такой силы, что на глазах у всех буквально потащил борт на скалы. И сопка-то всего одна лишь высокая стояла, но с земли казалось, что машина вот-вот «впечатается» в ее склон. Каким-то чудом вертолетчики справились: едва не задев колесами острый гребень, перемахнули сопку, сделали круг и ушли в сторону Певека. Пронесло, пронесло в очередной раз...

Собрались быстро. Все уложили, увязали, побросали в кузов мешки с агатами, поехали. По пути забрали Тынгычайвына (ему нужно было к стаду подъехать), до Сыпучего добрались без приключений. На перевале сыро, холодно, туман, резкий ветер. Кое-как развернули рацию, связались с другими отрядами. Досталось Степану от всех коллег, особенно от лучшего друга Володи: «Я тебя трам-та-та, совсем уже, трам-та-та, похоронил! А ты, трам-та-та, эксперименты ставишь, трам-та-та, по Чукотке гуляешь! Турист, трам-та-та!» Самое ругательное слово у него было: «Турист!»

Спуск с перевала Сыпучий просто замечательный. Крутой склон, покрытый слоем мелкого сланцевого щебня. Глубоко внизу просматривались две разбитые машины и вездеход. Понятно, как они туда попали.

Ильич встал на кабину, осмотрелся, скомандовал: «Всем идти дальше пешком!» Рабочие поворчали, но спорить не стали. Пошли. Погода — хуже не придумать: шквальный ветер, туман ключьями, секущий лицо дождь...

Медленно-медленно вездеход начал спуск. Иногда просто сползал на гряде щебня. Каждый раз у Степана обрывалось сердце: если щебень попадет между катком и гусеницей и вездеход «разуется», то его уже ничем не удержишь! Но машина вязла каждый раз в куче щебня, Ильич выползал из кабины, внимательно осматривал гусеницы, осторожно выводил ее из плена, еще раз осматривал ходовую часть, только потом двигался дальше. Часа через три все были в безопасном месте. Повеселели: и ветер не такой сильный внизу, да и дождь кончился. Тынгычайвын быстренько сварил чаек, попили, согрелись, приободрились. Часов через пять были у моря. Каким родным и уютным оно показалось Степану. Простым и понятным, по крайней мере...

«Разбор полетов» по осени, конечно, был. Но, как всегда, точки над «ё» поставил начальник отряда Антон. Своей грубоватой шуткой разогнал все тучи, сгустившиеся над головой Степана: «Да знал я, что с этим гадом Степаном ничего случиться не может! Все равно выкрутится, змей!»

...А в приисковом поселке местные охотники не поверили, что геологи перебрались таким путем через гряду. На следующий год охотие до истины ребята прошли пешком через гряду с проверкой. Разбитые подшипники, сломанные торсионы, куски резины, банки из-под сгущенки — все было на месте. Степан потом письмо получил с извинениями за скандал в поселковой столовой.

